

Масленникова Е.М.

**Читательская проекция текста как его интерпретация:
«живое знание» и внутренний контекст***

*Тверской государственный университет,
Россия, Тверь, e-maslennikova@inbox.ru*

Аннотация. В статье обсуждаются особенности построения читательской проекции текста в зависимости от контекстуальных условий функционирования СЛОВА в тексте. Перевод рассматривается как письменно зафиксированная личностная (читательская) проекция текста, в которой проявляется кросскультурная асимметричность, вызванная различиями языков и культур. Участники текстовой коммуникации также опираются на свой опыт, имеющиеся сведения о содержании текста, стратегии и процедуры освоения опыта и представления знаний. Гендерная принадлежность переводчика влияет на актуализацию текстовых смыслов.

Ключевые слова: текст; контекст; виды контекста; знание; понимание; гендер.

Поступила: 17.04.2022

Принята к печати 16.08.2022

* © Масленникова Е.М., 2022

Maslennikova E.M.

**Readers' text projection as its interpretation:
«living knowledge» and internal context***

*Tver State University,
Russia, Tver, e-maslennikova@inbox.ru*

Abstract. The paper discusses special features of the readers' projection of texts and contextual variability of word functioning within texts and literary codes. Translation is considered as a written projection of the text that translators pass on to their readers with a different cultural background. It manifests cross-cultural asymmetry caused by differences in languages and cultures. For successful text communication it is vital to rely on experience and available information about the text content. Internal context is a factor that helps to get to the text's meanings. Translators' gender also influences meaning-making.

Keywords: text; context; context types; knowledge; understanding; gender.

Received: 17.04.2022

Accepted: 16.08.2022

Слово в тексте

Успешность текстовой коммуникации зависит от таких функциональных компонентов, как: когнитивные репертуары, индивидуальные системы знаний участников текстовой коммуникации; их коммуникативные и интерпретационные стратегии; социальный, прагматический и экстралингвистический виды контекста (см., например: [Солсо, 1996; De Gelder, 1981; Putman, 1986] и др.). Коммуниканты, а именно переводчик, выступающий одновременно как первичный читатель исходного текста и как квази-(со)автор перевода как вторичного текста, и собственно вторичный читатель из системы переводящего языка и культуры, обращаются не только к знанию языка, норм и правил его функционирования, но и к своему опыту, сведениям о содержании текста, стратегиям и процедурам освоения опыта и представления знаний.

* © Maslennikova E.M., 2022

Материалом исследования послужили переводы произведений русских поэтов и писателей на английский язык и произведений английских поэтов и писателей на русский язык.

Если ментальный лексикон индивида рассматривать как персональный живой поликодовый гипертекст [Залевская, 2013], то именно *слово* способно устанавливать собственные связи относительного коллективного «знания-переживания» и имеющихся артефактов культуры. Например, образ няни (*nurse*) из поэтического сборника Р.Л. Стивенсона «A Child's Garden of Verses» (1885) связан с детскими воспоминаниями самого автора. Если В.Ф. Ходасевич (1886–1939) сохраняет ее образ в переводе стихотворения «Вычитанные страны» (*няня уж идет за мной*), то из современных переводов его стихотворений заботливая няня часто исчезает, скорее всего, из-за неактуальности подобного объекта для большинства семей, или становится *мамой*, которая в викторианскую эпоху занимала менее значимое место в жизни ребенка. Получаемая читательская проекция текста определяется (или ограничивается) относительно интерпретирующего диапазона, задаваемого автором текста, не только временным барьером между автором и читателем, а переводчик является первичным читателем исходного текста, но создающим при этом «свой» текст для вторичного читателя из системы переводящего языка и культуры. Свою роль также играет имеющееся в принимающем социуме коллективное «знание-переживание». Поселившись с семьей в приобретенном у английского аристократа поместье, богатая американка из повести «The Canterville Ghost» О. Уайльда организовывает для соседей пикник, во время которого обычно приготавливают моллюсков (*organised a wonderful clam-bake, which amazed the whole county*). Для обозначения столь необычного загородного мероприятия, поразившего соседей, О. Уайльд использует типичную американскую реалию – *a clam-bake*. В дореволюционном «женском» переводе Е.Н. Тихомировой (1912) дама сама (!) *занималась хозяйством*, что соответствовало представлениям того времени об идеальной хозяйке дома. В дореволюционном «мужском» переводе М. Ликиардопуло (1918) дама *организовала состязание по печению пирогов, поразившее все графство*. Советский переводчик Ю. Кагарлицкий (1960) объясняет причину всеобщего изумления с помощью введенного в текст комментария: *великолепный, поразивший все графство пикник на морском берегу, – все кушанья были приготовлены из моллюсков*. Современные переводчики предпочли не вдаваться в детали: *великолепный пикник на*

морском берегу, поразивший все графство (В. Чухно, 1999), замечательный пикник, поразивший все графство (А. Грызунова, 2010).

А. Вежицкая определяет словарный состав языка как ключ к этносоциологии и психологии культуры, отмечая, что ключевые для определенной культуры слова вбирают в себя и аккумулируют ее ядерные ценности [Вежицкая, 2001]. Например, богатая героиня романа С. Мозма «Theatre» (1937) покупает поместье с большим загородным домом – *a country house* (*It saved the expense of having a country house of their own*), который в переводе Г. Островской становится дачей (*Это избавляло от расходов на собственную дачу*). В романе Дж. Чейза «Trusted Like the Fox» (1948) нищая героиня мечтает о жизни в собственном доме с богатым мужем (*having a husband and a home*), который избавит ее от бедности, обеспечив жизнь в любви, счастье и богатстве (*whisk her away from poverty to a life of love, happiness and wealth*). В переводе Р. Мирсалиевой (1993) она хочет *заиметь мужа и квартиру*. Кроме этого, переводчица перепутала слова *wealth* ‘богатство’ и *health* ‘здоровье’: в результате появились мечты о *счастливой и здоровой жизни и любви*, но не о желаемом богатстве, ради которого в исходном тексте девушка была готова на все. В выполненном Г. Варденги (2002) переводе детской считалочки из «Mother Goose Rhymes» та, что стоит у двери дома (*at the cottage door*), *бродит по квартире*. Подобные замены легко объяснимы, если вспомнить слова М.А. Булгакова из романа «Мастер и Маргарита» о *квартирном* вопросе, вошедшие в число прецедентных феноменов русскоязычного лингвокультурного социума.

Взятое в контексте *слово* устанавливает множественные связи с другими словами, как внутри конкретного текста, так и относительно идиостиля автора этого текста, других авторов, отдельного исторического периода и, шире, национальной литературы в целом с ее системой кодов, кодовых переходов и межкодовых связей [Масленникова, 2014]. Например, в мировой поэзии слово *сонет* (*sonnet*) входит в широкий культурологический контекст с четко выраженным мотивом о *сонете* как *кинжале*, ставшем частью метафоры, сравнивающей язык (отдельное *слово* или *текст*) с разящим оружием. Кроме этого, даже имена авторов сонетов получают своеобразную мифологическую нагрузку. Так, кроме *Shakespeare* и *Petrarch* английский поэт У. Вордсворт в сонете «Scorn not the Sonnet» (1827) к числу знаменитых сонетистов причисляет итальянцев *Tasso* и *Dante*, португальца *Camöens*, англичан *Spenser* и *Milton*. Французский поэт Ш. де Сент-Бёв в сонете-

подражании «Ne ris point du sonnet, ô critique moqueur» (1829) добавляет «своих» национально-признанных *Du Bella* и *Ronsard*. В «Сонете» (1830) А.С. Пушкина, также восходящем к У. Вордсворту, упоминаются *Данте*, *Петрарка*, *творец Макбета*, т.е. *Шекспир*, *Камюэнс*, *Вордсворт* и добавляются современники – *певец Литвы*, т.е. *Мицкевич*, и *Дельвиг*. В свою очередь пушкинский текст становится прототекстом для русской литературы.

Многослойность *текста* способствует выделению того или иного его смыслового слоя, который подвергается осмыслению или переосмыслению в зависимости от наличия универсального и локального в культуре, а смысловая нагрузка *текста* осваивается исходя из ее приемлемости / неприемлемости для читателя. Если «содержание – это проекция текста на сознание», а «смысл – это проекция сознания на текст» [Новиков, 2007, с. 132], то в случае двуязычной текстовой коммуникации перевода речь может идти о (не) усвоении переводчиком как первичным читателем заложенных в тексте оригинала культурных смыслов и, соответственно, их (не) включении в получаемый перевод как вторичный опосредованный текст. В качестве одной из инвариантных характеристик смысла называется его контекстуальность [Леонтьев, 1999], когда контекст определяет и задает параметры коммуникативного стиля, который может иметь национальную специфику и в результате способствовать или затруднять трансляцию культурных смыслов. Например, в романе Дж.Х. Чейза «You're Lonely Dead When You're Dead» (1949) частное детективное агентство избавляло своих клиентов от любых проблем, начиная от разборок с шантажистами (*handled blackmailers*) до присмотра за наркоманами (*watched drug addicts*) или отправки студентов колледжа в путешествие (*take a bunch of college kids on a world tour*). Агентство даже обеспечивало передачу на воспитание в приемные семьи незаконнорожденных детей (*farmed out legitimate babies*). Возможно, из опубликованного в 1991 г. анонимного перевода упоминание о наркоманах исчезло по причине отсутствия официального признания такого явления в жизни советских людей, а незаконнорожденные дети превратились в переселенных по каким-то непонятным причинам в *деревню детей-сирот*: *I and my stuff have handled blackmailers, watched drug addicts, taken a bunch of college kids on a world tour, farmed out legitimate babies...* (J.H. Chase. You're Lonely Dead When You're Dead) ↔... мои агенты и я лично заткнули глотки многим шантажистам, отправили группу молодых людей в кругосветное путешествие, переселили в деревню нескольких

детей-сирот... (Дж.Х. Чейз. Последний трюк Ли Тэйлора. Переводчик не указан, 1991). Современный переводчик Б. Колодин (2014) оставляет *наркоманов*, но, неправильно идентифицировав значение фразового глагола *farm out* ‘отдавать детей на воспитание кормилице в деревню’, заставляет самих сотрудников агентства *выхаживать незаконных детей*:... *я и мой персонал работали с шантажистами, следили за наркоманами, брали кучку студентов в кругосветное путешествие, выхаживали незаконных детей...* (Дж.Х. Чейз. Каждый умирает в одиночку).

Н.А. Рубакин полагал, что содержание книги «как внутренняя ее сторона» меняется «смотря по читателю, смотря по складу его ума, по его характеру, темпераменту, его преобладающему или минутному настроению и всем другим его психологическим свойствам» [Рубакин, 1925, с. 44]. Опираясь на развиваемую им в русле библиопсихологии теорию мнемы, Н.А. Рубакин делает вывод о том, что «каждый читатель в процессе чтения строит собственную проекцию читаемой книги <...> и эту свою проекцию принимает за качества самой книги и называет ее содержанием читаемого им произведения» [Рубакин, 1929, с. 83], т.е. он приписывает книге содержание, исходя из собственных представлений, знаний и опыта, поэтому «сколько у книги читателей, столько у нее содержаний» [ibid.], что объясняет множественность переводов одного и того же текста, а также выделение в оригинале разных смыслов, которые могут быть актуализированы переводчиками в силу, например, каких-либо личных причин. Так, шекспировский сонет 66 оказался самым суггестивно-притягательным поэтическим текстом англоязычной литературы для русскоязычных переводчиков. В настоящий момент насчитывается свыше 130 его переводов на русский язык, некоторые из которых отражают социумные ценности и антиценности времени своего создания: *по-братались мент и бандюган* (С. Шабунский, начало 2000-х годов). В целом, отношения читателя с «его» пространством, актуализированным при обращении к «его» тексту, складываются по-разному, но в большинстве случаев реальное пространство определяет «бытие» читателя в тексте и его проживание текстовых смыслов.

Перевод как личностная проекция

В этой или иной степени в переводе как письменно зафиксированной личностной (читательской) проекции текста проявляется не только кросс-культурная асимметричность, вызванная различия-

ми языков и культур, но даже гендерная категоризация, обусловленная гендерной принадлежностью переводчика. Так, А. Кристи в романе «*Evil under the Sun*» (1941) дает описание типично английского богатого поместья с красивым особняком, окруженным лугами, где имеются река и хорошее пастбище: *A man of good family such as he was should have had a decorous mansion set in wide meadows with, perhaps, a running stream and good pasture*. В переводе, опубликованном от имени А. Ганько, а это редакционный псевдоним издательства «Центрполиграф», под которым в начале 2000-х годов на книжный выходили зарубежные детективы, существительное *a stream* вызывает ассоциативные связи со славной рыбалкой по причине соответствующих типичных ожиданий-предвосхищений о стереотипной ситуации (*ручей* → *рыба* → *рыбалка*): *Человеку его происхождения гораздо больше соответствовало солидное поместье, окруженное зелеными лугами, по которым, сверкая на солнце, выются веселые ручьи, обещающая славную рыбалку* (А. Кристи. Зло под солнцем. Перевод А.И. Ганько, 2002). В «женские» переводы включены дополнительные определения (*просторные зеленые луга, милая речушка, настоящее английское поместье*): *Человеку его уровня полагалось иметь красивую усадьбу, окруженную просторными лугами и, по возможности, с протекающей по ним милой речушкой* (А. Кристи. Зло под солнцем. Перевод В. Кучеровской, 1992); *Человек из хорошей семьи, такой как капитан Ангмерин, должен был бы иметь приличный особняк, окруженный зелеными лугами, где неподалеку течет ручей, – в общем, настоящее английское имение* (А. Кристи. Зло под солнцем. Перевод Т. Голубевой, 2000). Кстати, за исключением С.М. Саксина (2020), который, однако, опираясь на шаблонное представление об идеальном английском газоне, окружает *красивый особняк просторной лужайкой*, другие переводчики не сохраняют пастбище (*good pasture*), тогда как крупные английские помещики-землевладельцы занимались на своих землях разведением скота.

В поэтическом тексте «теснота стихотворного ряда» (термин из [Тынянов, 1924]) отражает имеющиеся связи слова относительно микроконтекста, которые позволяют устанавливать слову новую семантическую «среду» в пределах предложения или словосочетания и, далее, уже на уровне *текста*. Так, большинство переводчиков пушкинского романа в стихах «Евгений Онегин» (1823–1831, полностью – 1833) выбирают для передачи рифмующейся пары *брегет* ↔ *обед* (*Пока недремлющий брегет / Не прозвонит ему обед*) рифму (*Breguet*) *chime* ↔ (*dinner*) *time* (Н. Spalding, 1891; Ch. Johnston, 1977;

James E. Falen, 1990; O. Emmet, S. Makourenkova, 2007; S.M. Mitchell, 2008; A.S. Kline, 2009), сохраняя марку часов как часть культурного коммуникативного кода, определенный сигнал принадлежности героя к высшему свету. Подобные реалии имеют социально-эстетическую значимость одновременно для Мира текста и для Мира действительности, что подразумевает их сохранность при переводе и / или дополнительный комментарий в случае наличия пространственно-временного барьера, разделяющего автора и вторичного читателя перевода. Исчезновение марки часов повлекло за собой создание другой рифмующейся пары (*watch* ↔ *scotch*), из-за чего денди начала XIX в. Евгений Онегин начал употреблять шотландский виски – *скотч*: *Until his sleepless pocket watch / Tells him it is time for his dinner and scotch* (Gerard R. Ledger, 2001).

В переводах перед вторичным читателем может предстать видоизмененный Мир исходного текста, поскольку их переводчики выделили разные признаки для одного и того же ориентира относительно Мира текста. В английском детском стихотворении «There was an old woman (And nothing she had)» из сборника «Nursery Rhymes» говорится о старушке, которая ничего не имела (*nothing she had*), из-за чего ее считали сумасшедшей (*was said to be mad*). При этом перечисляются жизненные потребности любого человека (*nothing to eat, nothing to wear*). Далее говорится о «преимуществах» подобного существования без наличия самого необходимого: героине нечего было терять (*nothing to lose*) и нечего было бояться (*nothing to fear*). Она ничего не просила (*nothing to ask*) и ничего не давала (*nothing to give*), а после смерти ничего не оставила (*'d nothing to leave*). В переводах усиливается характеристика героини: она представлена как *несчастливая старуха* (Г. Варденги, 2002), *нелепая старушка* (К. Атарова, 2002), *несчастливая старушка* (А. Кацура, 2002), что, скорее всего, имело своей целью вызвать у вторичного читателя чувство сострадания. Примечательно, что впервые на русском языке это стихотворение было опубликовано только в 2002 г., несмотря на то, что многие тексты из «Nursery Rhymes» были известны советским читателям по переводам С.Я. Маршака и К.И. Чуковского. Все три перевода (К. Атаровой, Г. Варденги, А. Кацура) вошли в один сборник, т.е. были опубликованы одновременно. Вероятно, в данном случае можно предположить, что на выбор переводчиками одного и того же текста повлияла сложившаяся на рубеже XX–XXI вв. социальная обстановка, которая вызвала усиление исходных текстовых смыслов и введение переводчиками новых личностных смыслов.

Переводчики стихотворения «There was an old woman...» явно исходили из представлений о крайней бедности, когда непременно атрибутом нищего называется *сума*, ставшая со временем символом нищенства: *У одной несчастной старухи // Добра было – кукиш в суме* (Г. Варденги),... *всегда пуста сума* (А. Кацура). В.И. Даль в своем «Толковом словаре живого великорусского языка» [Даль, 1996] перечисляет многочисленные пословицы и поговорки со словом *сума*, за которыми стоят представления о нищей жизни, когда человек вынужден голодать или теряет привычный образ жизни: *Ходить с сумой* ‘собирать подаяние’; *Пустить кого с сумою* ‘разорить’; *Сума нейдет с ума* – ‘нищета’; *Сума, дай пить и есть* ‘скатерть-хлебосолка’; *Сума нищему не помеха*; *Худо жить тому, кому послал Бог суму*; *Не тяжело суму носить, коли хлеб в ней есть*; *Нищего ограбить – сумою пахнет*; *Его нищий сумой прикроет*; *Чего не дают, того в суму не берут*; *Не вяжись с казною, не пойдешь с сумою*; *Рад нищий и тому, что сшили новую суму*. Примечательно, что русские фразеологизмы устанавливают четкие связи между умственными способностями индивида и вероятностью для него оказаться в нищете: *И с умом, да с сумой*; *И без ума, да туга сума*; *Сумá даст умá*; *От большого ума досталась сума*; *По твоему уму, носить будешь суму*; *Без ума торговать – суму нажить*. Паремии также отражают «склонность русского человека к фатализму» [Вежбицкая, 1996, с. 34]: *С сумой да с тюрьмой не бранись*; *От суммы да от тюрьмы не отрекайся, не знаешь, что будет*; *Не родом-племенем сума ведется, кому Бог даст*. Сложившиеся в русском языке и культуре подобные отношения отразились в переводе Г. Варденги: *Всё добро было – кукиш в суме. // Вот о ней и ходили слухи, // Что она не в своем уме*.

Различия в «мужских» и «женских» читательских проекциях одного и того же текста также прослеживаются в переводах этого стихотворения на русский язык. Переводчицы нарушают принцип эквилинеарности (12 строк оригинала увеличиваются до 20 строк у К. Атаровой и до 16 строк у А. Кацура) из-за избыточной детализации: у героини *всегда пустое поле, пусты углы в избушке, всегда пуста сума*, не было *одежды и еды* (А. Кацура). Текст усиливается эмоционально: не было *ни крошечки еды и ни капельки воды* (К. Атарова). Добавляются дополнительные детали: не было *ни вилок, ни ножей, ни окон, ни дверей* (К. Атарова). Конкретизируется место действия (*избушка, без окон и дверей*). Пространство Мира текста становится обжитым: *думали соседи, что спятила она* (К. Атарова). При этом наблюдается характерная для женской речи

гиперболизированная экспрессивность и интенсификация оценки [Земская, Китайгородская, Розанова, 1993]. Даже обстоятельства смерти героини стиха изменяются: в оригинале она ничего не оставляет после себя в виде имущества по причине своей крайней бедности (*d nothing to leave*), а в «женских» переводах она не имеет *даже и могилы* (К. Атарова), после нее *осталось пустота* (А. Кацура). Кроме этого, А. Кацура вводит философские размышления о смысле жизни (*Неужто жизнь – игрушка, // Пустая маята?*).

Перевод может устареть или оказаться не востребуемым по причинам идеологического характера, из-за смены общественных ценностей и т.д. Долгое время в английских школах жестокие телесные наказания учеников в виде порки розгами были нормой: в 1791 г. анонимный автор, обозначивший себя как «Enemy to the infamous practice of flogging» (буквально «Враг печальной известной практики порки») публикует специальный памфлет, обличающий подобную практику [Enemy to ..., 1741]. Учитель из стихотворения «Doctor Faustus was a good man...» порол учеников время от времени (*whipt his scholars now and then*). С.Я. Маршак (1968) тщательно перечисляет орудия наказания, которые даже не упоминаются в оригинале: *деток*, а не *учеников* (*scholars*), били *розгой, плеткой, ремешком, палкой, скалкой, кулаком*. Отметим, что в современные переиздания переводов английской поэзии для детей на русский язык, выполненные С.Я. Маршаком, именно это стихотворение чаще всего не включается.

Представления о какой-либо ситуации, сложившиеся в принимающей культуре, также влияют на итоговый результат – вторичный текст перевода, являющийся письменной фиксацией переводческой деятельности, представляет собой именно ту проекцию текста, которая образовалась у переводчика при работе с оригиналом.

Слово в контексте

Контекст «может быть разным: а) контекст, присутствующий в сознании коммуникантов и не зависящий от словесного его выражения; б) аспекты контекста так или иначе выраженные в высказывании; их значимость выявляется после произнесения высказывания» [Пищальникова, Сонин, 2009, с. 410]. Типы контекста разделяются на лингвистический (узкий) контекст, ограниченный рамками текста, и широкий контекст, объединяющий лингвистические и экстралингвистические условия коммуникации. Например, в зависимости от

контекста английское существительное *Apache* допускает два прочтения: при написании с большой буквы – это *апач* из племени американских индейцев апачей в юго-западной части США, а при написании с маленькой буквы – это *апаш*, т.е. парижский бандит. Существительное *brother* указывает не только на кровные узы (как ‘брат’), но и на профессиональные связи (как ‘коллега’). События в романе А. Кристи «The mystery of the Blue Train» (1928) разворачиваются в Париже: *Known to the police, I fear. Well, well, I wish Brother Apache good hunting* (А. Кристи. The mystery of the Blue Train). Читатель должен догадаться, кому желает удачи герой из криминальных кругов: известному полиции индейцу из США или парижанину: *Что же, пожелаем брату апачу хорошей охоты* (А. Кристи. Тайна «Голубого поезда»). Перевод С.Н. Шпака, 1991), *Ну-ну, желаю братцам апашам удачной охоты!* (А. Кристи. Тайна «Голубого поезда»). Перевод В.В. Тирдатов, 2000).

В результате ложной идентификации объектов, реалий и ситуаций, относящихся к инобытийному пространству текста, нарушается Мир текста (*апашии* – в Париже или *апачи* – в США), из которого исчезают национально-специфические компоненты культуры. Подобные искажения влияют на проекцию текста, получаемую читателем перевода при обращении к нему.

В этом отношении конситуация (контекстуальная ситуация) [Кафкова, 1979] становится важным условием адекватного текстопонимания и текстовосприятия, поскольку она обеспечивает восполнение тех элементов семантики, которые не даны непосредственно в структуре текста, позволяя тем самым соотносить языковые и неязыковые элементы. На первый взгляд, трудно установить прямые связи между английским быстрым народным танцем *jig* / *джига* и *чечеткой*. В романе Дж.Х. Чейза «You're Dead without Money» (1972) от радости за заключенную удачную сделку с бизнесменом вор готов сплясать джигу (*dance a jig*), а в переводе Н. Ярош (1993) – он *хотел отбить чечетку*. С одной стороны, русскоязычный читатель 1990-х был явно не знаком с подобным танцем, с другой – переводчик очевидно исходит из популярности чечетки среди представителей русского криминального мира:... «цыганочка» *входит с давних пор в блатарское «юности честное зерцало» <...> Это пляска, это чечетка-«цыганочка»* (В. Шаламов. Аполлон среди блатных, 1959, публикация – 1989).

Слова «двойного» прочтения типа *apache* требуют от переводчика большего внимания: сонный ребенок (*little Indian sleepy-head*) из стихотворения Р.Л. Стивенсона «The Sun's Travel» (1885) может быть

маленьким индейцем (О. Румер) или индийским ребенком (Игн. Ивановский, 1958) и жить, соответственно, в *Индии* (Л. Яхнин, 2011). В другом его стихотворении «Marching Song» играющие на стоге сена дети называют себя *mountaineers*. Согласно одному значению слова, – это *горцы* (Игн. Ивановский, 1958; В. Николаев, 2013), но, по другому значению – это могут быть *альпинисты* (Е. Липатова, 2001). В принципе оба значения слова *mountaineers* не противоречат общему контексту ситуации (дети залезли на стог), но *горцы* постоянно живут в горах, а *альпинисты* идут в горы. Подобные неявные отсылки к колониальным связям Англии или Шотландии с ее *горцами*, являются национально-специфическими маркерами личности автора текста – Р.Л. Стивенсона.

При переводе выбор для заполнения переменных диктуется узким контекстом как контекстом уровня словосочетания и предложения. Контекстуальная норма является своего рода стереотипом. Ожидания определяются знаниями о стандартном контексте и ситуации. Например, *Ласточка* из сказки О. Уайльда «The Happy Prince» (1888) рассказывает, что улетевшие на зимовку в Египет другие ласточки ночуют в гробнице великого короля (*go to sleep in the tomb of the great King*). Восстанавливая контекст, некоторые переводчики конкретизируют титул правителя Египта как *фараон* (Т. и С. Бертенсон, 1909; В. Чухно, 1999; А. Грызунова, 2010) или вводят имя самого известного фараона – *Великого Тутанхамона* (П.В. Сергеев, Г. Нуждин, 2003). Возможен и вариант *великий царь* (К. Чуковский, 1960; Е. Кузьмин, 2012). При заполнении переменных учитывается ситуационный контекст, т.е. идет приписывание моделей управления конкретным лексическим единицам: *Египет – the great King* (буквально ‘великий Король’) – *фараон – Тутанхамон*. Контекстное ожидание характеризуется и определяется ролями слов, их сочетаемостью, грамматической формой или соотносится по ассоциативному признаку: в глазах детей *стог* выглядит как *гора*, если залезли на *стог*, то мы – *альпинисты*.

При оперировании со смыслами текста переводчик выстраивает умозаключения относительно: 1) уже имеющихся и хранящихся в памяти смыслов и 2) получаемых смыслов при обращении к тексту, опираясь на конвенциональные стереотипы и знания о типовом сценарии. В этом отношении текст как единое целое функционирует «в процессе семиозиса и коммуникации» как «образ-гештальт» [Мурзин, Штерн, 1991, с. 13]. Так, например, по сказке О. Уайльда «The Young Prince» (1888) следует, что Старый король велел отравить собственную дочь, сочетавшуюся тайным браком с

человеком низкого происхождения. Однако дореволюционная переводчица Е. Буланина (1908) представляет читателям совсем другую историю, полную архетипичных сюжетных ходов, где виновной становится *мачеха*: *Мать принца, королева, умерла, оставив его грудным младенцем на руках короля-отца. Король женился на другой. Злая мачеха невзлюбила принца и, когда король на долгое время уехал из столицы, приказала подбросить его к пастухам, в лес, а мужа уверила, что ребенка украли и он пропал без вести. Когда же король и королева умерли, – один из старых слуг рассказал, где находится принц, законный наследник умершего короля* (О. Уайльд. Юный король. Перевод-пересказ Е. Буланиной, 1908).

Заключение

Активизация и актуализация *слова* и его связей относительно развертываемой в тексте ситуации позволяет устанавливать необходимую для конкретного контекста систему координат, для чего также требуется «подключение» перцептивного, когнитивного и эмоционально-оценочного опыта, так как это определяет этнокультурную специфику восприятия текстов и их порождения. Границы поля восприятия относительно интерпретационного диапазона текста определяются переводчиком как первичным читателем и вторичным читателем из системы принимающего языка и культуры через активное принятие текста «на себя», когда читатель начинает усматривать так называемые скрытые смыслы текста с позиции «своего» времени.

Список литературы

- Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – Москва : Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
- Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – Москва : Русские словари, 1996. – 416 с.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. – Т. 4. – Санкт-Петербург : Диамант, 1996. – 688 с.
- Залевская А.А. Значение слова и «живой поликодовый гипертекст» // Вопросы психолингвистики. – 2013. – № 1(17). – С. 8–19.
- Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании. – Москва : Наука, 1993. – С. 90–136.
- Кафкова О. О роли контекста в разных типах коммуникантов // Синтаксис текста. – Москва : Наука, 1979. – С. 236–247.

- Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – Москва : Смысл, 1999. – 487 с.
- Масленникова Е.М. Художественный перевод: когнитивная матрица и лингвистическая (не)равноценность // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. – № 3. – С. 111–117. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennyy-perevod-kognitivnaya-matritsa-i-lingvisticheskaya-ne-ravnotsennost> (дата обращения: 18.08.2022).
- Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 171 с.
- Новиков А.И. Текст и его смысловые доминанты. – Москва : Институт языкознания РАН, 2007. – 207 с.
- Пищальникова В.А., Сонин А.Г. Общее языкознание. – Москва : Академия, 2009. – 448 с.
- Рубакин Н.А. Психология читателя и книги. Краткое введение в библиографическую психологию. – Москва ; Ленинград : Гос. изд-во, 1929. – 308 с.
- Рубакин Н.А. Работа библиотекаря с точки зрения библиопсихологии. К вопросу об отношении читателя и книги // Читатель и книга. Методы их изучения. – Харьков : Труд, 1925. – С. 37–65.
- Солсо Р.Л. Когнитивная психология. – Москва : Тривола, 1996. – 600 с.
- Тынянов Ю. Проблема стихотворного языка. – Ленинград : Academia, 1924. – 139 с.
- Enemy to the infamous practice of flogging. The shameful discipline of the schools expos'd, or, Whipping an improper punishment for youth. – London : Printed for J. Roberts, 1741. – 30 p.
- De Gelder B. I know what you mean but if only I understand you... // Meaning and Understanding. – Berlin ; New York : de Gruyter, 1981. – P. 44–60.
- Putman H. Mind, language and reality. Philosophical papers. – Cambridge : Cambridge University Press, 1986. – Vol. 2. – 457 p.

References

- Wierzbicka, A. (2001). *Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
- Wierzbicka, A. (1996). *Yazyk. Kul'tura. Poznanie*. Moscow: Russkie slovari, 1996.
- Dal, V.I. (1996). *Tolkovyiy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka*. Vol. 4. Saint-Petersburg: Diamant.
- Zalevskaya, A.A. (2013). Word meaning and «a personal polycode hypertext». *Voprosy psikholingvistiki*, 1(17), 8–19.
- Zemskaya, E.A., Kitaygorodskaya, M.A., Rozanova, N.N. (1993). Osobennosti muzhskoy i zhenskoy rechi. In: *Russkiy yazyk v ego funktsionirovanii* (pp. 90–136). Moscow: Nauka.
- Kafkova, O. (1979). O roli konteksta v raznykh tipakh kommunikantov. In: *Sintaksis teksta* (pp. 236–247). Moscow: Nauka.
- Leontev, D.A. (1999). *Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoy real'nosti*. Moscow: Smysl.
- Murzin, L.N., Shtern, A.S. (1991). *Tekst i ego vospriyatie*. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta.
- Novikov, A.I. (2007). *Tekst i ego smyslovye dominanty*. Moscow: Institut yazykoznaniya RAN.

- Pishchalnikova, V.A., Sonin, A.G. (2009). *Obshchee yazykoznanie*. Moscow: Akademiya.
- Rubakin, N.A. (1929). *Psikhologiya chitatelya i knigi*. Moscow; Leningrad : Gos. izd-vo.
- Rubakin, N.A. (1925). Rabota bibliotekarya s tochki zreniya bibliopsikologii. K vo-
prosu ob otnoshenii chitatelya i knigi. In: *Chitatel' i kniga. Metody ikh izucheniya*
(pp. 37–65). Kharkov: Trud.
- Solso, R.L. (1996). *Kognitivnaya psikhologiya*. Moscow: Trivola.
- Tynyanov, Yu. (1924). *Problema stikhotvornogo yazyka*. Leningrad: Academia.
- Enemy to the infamous practice of flogging. The shameful discipline of the schools
expos'd, or, Whipping an improper punishment for youth.* (1741). London: Printed for
J. Roberts.
- de Gelder, B. (1981). I know what you mean but if only I understand you... In: *Meaning
and Understanding* (pp. 44–60). Berlin; New York: de Gruyter.
- Putman, H. (1986). *Mind, language and reality. Philosophical papers. Vol. 2.* Cam-
bridge: Cambridge University Press.